

УДК 327.56(479.2)

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Т.З. Мансуров

Аннотация

В статье предпринята попытка раскрыть содержание основных угроз национальной безопасности Российской Федерации на Южном Кавказе. Подвергнуты анализу такие угрозы внешней и внутренней политике безопасности России, как терроризм, реальное и потенциальное военное присутствие внерегиональных политических игроков в южнокавказских республиках, обеспечение энергетической безопасности государства. Рассмотрена концепция национальной безопасности Российской Федерации, в которой на современном этапе недостаточное внимание уделено проблеме обеспечения устойчивости этнополитических отношений в странах Южного Кавказа. Особое внимание уделено анализу этнополитических конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии с точки зрения их воздействия на построение системы национальной безопасности российского государства.

Ключевые слова: национальная безопасность, угроза национальной безопасности, регион, региональная безопасность, экономическая безопасность, этнополитические отношения, этнополитический конфликт, урегулирование конфликта, разрешение конфликта, терроризм.

Геополитическая обстановка в современном мире характеризуется совокупностью острых противоречий исторического, политического, экономического и социального характера. Изменения в мире, произошедшие в различных областях в 90-х годах XX в., повлияли как на международное, так и на внутреннее положение России. Особую важность приобрела проблема обеспечения национальной безопасности, без грамотного решения которой невозможно успешное реформирование страны. Обеспечение национальной безопасности является центральной, стратегически значимой для развития государства задачей. Актуальность последней повышается в связи с неурегулированностью этнополитических конфликтов в странах Южного Кавказа. Этот регион является одним из наиболее сложных в отношении политических, этнических, культурных и социально-экономических процессов, происходящих в южнокавказских странах.

Для России как региональной державы Южный Кавказ всегда был и остается зоной ее жизненно важных национальных интересов, в которой на протяжении нескольких столетий наше государство являлось бесспорным лидером в экономической, политической и военной сферах. После обретения независимости Грузией, Арменией и Азербайджаном Россия потеряла свое бывшее влияние на Южном Кавказе. В итоге на территории данного региона получили рас-

пространение такие угрозы национальной безопасности российского государства, как терроризм, неконтролируемая миграция беженцев, военное присутствие внерегionalных политических игроков в южнокавказских республиках, а также борьба за сырьевые ресурсы региона. И все эти процессы происходят на фоне неурегулированных этнополитических конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии.

Актуальность выбранной темы объясняется также отсутствием на современном этапе адекватных времени методик и технологий урегулирования этих конфликтов, не говоря уже об их разрешении, что способствует обострению упомянутых угроз не только для национальной безопасности России, но и в плане обеспечения коллективной безопасности региона. Интерес к данной теме повышается в связи с анализом стратегии национальной безопасности Российской Федерации, основных ее составляющих в отношении южнокавказских республик, что является, в свою очередь, малоизученным вопросом при рассмотрении теории этнополитических отношений в рамках данного региона. В политической науке имеются также пробелы в исследовании этнополитических конфликтов на Южном Кавказе, которые, находясь в «замороженном» состоянии, оказывают значительное влияние на политическое положение России на постсоветском пространстве.

* * *

Национальная безопасность является довольно сложным и неоднозначно трактуемым в политологии феноменом. Впервые в политическом лексиконе понятие «национальная безопасность» было употреблено в 1904 г. в послании президента Т. Рузвельта Конгрессу США, где он обосновывал присоединение зоны Панамского канала интересами национальной безопасности. В последующие годы эта проблема стала ключевой в исследованиях американских политологов. В отечественной политической науке разработка проблем национальной безопасности стала осуществляться в начале 1990-х годов. В наиболее общем виде в литературе под национальной безопасностью понимается защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных сферах жизнедеятельности от внутренних и внешних угроз, обеспечивающая устойчивое поступательное развитие страны [1, с. 28].

В политической науке имеется ряд других интересных в концептуальном плане определений. «Национальная безопасность, – свидетельствует энциклопедический словарь, – категория политической науки, которая характеризует состояние социальных институтов, обеспечивающее их эффективную деятельность по поддержанию оптимальных условий существования и развития личности и общества» [2, с. 197]. Отечественный исследователь А.А. Сергунин, изучая различные модели международной безопасности и сущность понятия «безопасность», предлагает следующее определение: «Национальная безопасность предполагает защищенность всей совокупности интересов страны – политических, социальных, экономических, военных, экологических, культурных, духовных, интеллектуальных... для ее обеспечения требуются особые методы, привлечение соответствующих органов, сил и средств государства» [3, с. 127]. Небезынтересной предстает позиция английского исследователя А. Бэтлера, который,

рассматривая роль национальных интересов во внешней политике государства, полагает, что «...безопасность национальная есть категория политики, обозначающая способы, средства и формы обеспечения национальных интересов государства как внутри страны, так и в системе международных отношений» [4, с. 153]. Содержательное определение, на наш взгляд, также предлагал российский ученый С. Панарин: «Национальная безопасность – единство внешних и внутренних условий существования государства, гарантирующих ему территориальную целостность и исключающих насильственное изменение конституционного строя» [5, с. 5].

Рассмотрев несколько определений «национальной безопасности государства», можно сделать следующие уточнения. Во-первых, национальная безопасность как категория политологии отражает связь безопасности с нацией, то есть с определенной территориально-государственной общностью с устойчивыми социально-политическими, экономическими, культурными, лингвистическими и иными связями. Во-вторых, в подобных определениях нация предстает целостной системой, которая включает в себя общественные отношения и сознание, институты государства и их функционирование, способствующие или препятствующие реализации национальных интересов в конкретной исторической обстановке. В-третьих, суть национальных интересов состоит в противодействии и устранении любых угроз, которые формируются внутри государства или за его пределами и препятствуют развитию и защите личности и общества. Именно на такое понимание национальной безопасности государства мы и будем в дальнейшем опираться в данной статье.

В Российской Федерации основополагающую базу концепции национальной безопасности страны составляют следующие документы: Конституция России, закон «О безопасности», «Концепция национальной безопасности РФ» (далее по тексту «Концепция»), «Военная доктрина РФ», «Концепция внешней политики безопасности РФ», «Доктрина информационной безопасности РФ» и другие. На наш взгляд, в современной системе национальной безопасности РФ недостаточное внимание уделено проблеме обеспечения устойчивости этнополитических отношений в странах Южного Кавказа. Даже «Концепция национальной безопасности РФ», в которой в наиболее полном виде сформулированы важнейшие направления государственной политики России, страдает большими изъянами по вопросу о роли этнополитических конфликтов в системе внешней и внутренней безопасности России, о подходах к их урегулированию, о задачах, которые необходимо решить для предотвращения реальных и потенциальных угроз в отношении стабильности политических систем стран региона. Однако нельзя однозначно утверждать, что никакой политики безопасности Россия как региональная держава не проводит.

Прежде всего, как сказано в «Концепции...», Россия в предотвращении войн и вооруженных конфликтов отдает предпочтение политическим, дипломатическим, экономическим и другим невоенным средствам [6]. Кроме того, оговорено, что Россия стремится содействовать урегулированию конфликтов, включая миротворческую деятельность под эгидой ООН и других международных организаций [6]. В связи с появлением конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии Россия, как это следует из общего контекста «Кон-

цепции...», будет сохранять общность интересов со странами Южного Кавказа по многим проблемам коллективной безопасности, таким, как противодействие распространению ОМУ, борьба с терроризмом и наркобизнесом, решение экологических проблем региона. При этом необходимо заметить, что сам факт наличия этнополитических конфликтов в Грузии, Армении и Азербайджане способствовал появлению у региональных и внерегиональных игроков скрытых интересов под предлогом оказания помощи, будь то в виде посредничества или ведения переговоров в урегулировании этих конфликтов. Например, Россия преследует и выстраивает на Южном Кавказе следующую систему национальных интересов. Во-первых, это выработка эффективных мер предотвращения терроризма с привлечением третьих стран и международных организаций. Во-вторых – укрепление стратегических позиций на каспийском рынке сырьевых ресурсов. В-третьих – занятие позиции экономического лидера в регионе через такие организации, как ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство, Шанхайская организация сотрудничества. В-четвертых, Россия стремится не допустить появления военных баз на территории стран Южного Кавказа в связи с расширением НАТО на Восток. В-пятых, осуществляется развитие и активный поиск оптимальных моделей взаимодействия между Россией и Южным Кавказом в СНГ с целью получения влияния в странах Ближнего Востока, в частности в Иране.

Есть и другие направления развития политики безопасности России на Южном Кавказе. Национальная безопасность РФ заключается также в обеспечении суверенитета, в развитии равноправных и взаимовыгодных отношений с этими странами и интеграционными объединениями в регионе, в повсеместном соблюдении прав и свобод человека, развитии демократии и рыночной экономики. По нашему мнению, без всеобъемлющего учета интересов политического становления народов Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии, а также без вложения значительных ресурсов в урегулирование региональных конфликтов невозможно реализовать перечисленные выше национальные интересы России. На мой взгляд, неоднократное упоминание в «Концепции...» понятий «политический и религиозный экстремизм», «этносепаратизм», «межэтнические и религиозные конфликты», «терроризм» – свидетельство того, что разрешение конфликтов на юге России является одной из главных задач в системе национальной безопасности российского государства.

К основным источникам, формирующим концепцию национальной безопасности, относятся официальные выступления президента РФ. На наш взгляд, ключевыми являются Послания Федеральному Собранию Российской Федерации, в которых на публичное обсуждение выносятся проблемы и приоритеты государственной политики России. Суть этой политики в отношении конфликтных регионов постсоветского пространства следующая. Во-первых, современная российская дипломатия опирается на принципы прагматизма, предсказуемости и верховенства международного права во взаимодействии со странами Южного Кавказа [7]. Во-вторых, Россия выполняла и будет выполнять позитивную роль в сдерживании региональных конфликтов, основная острота которых была «снята» благодаря российскому вмешательству. А это, как нам кажется, говорит о том, что у России имеются необходимые ресурсы для уре-

гулирования нагорнокарабахского, грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов и что она не намерена допускать на территорию этих стран иностранных миротворцев. Конечно, это объясняется стратегическими интересами России, духовно-культурными связями со странами региона, конфликтный потенциал которого «ликвидировать» можно при многостороннем участии России. Вопрос заключается лишь в том, хочет ли этого она сама. В-третьих, Россия укрепляет общее гуманитарное пространство в рамках Южного Кавказа и сотрудничает по линии гражданских обществ. Важный резерв такой работы, как отмечается в «Послании Федеральному Собранию Российской Федерации» от 26 апреля 2007 г., это молодежные, образовательные, культурные и профессиональные обмены [7].

Среди важных выступлений В. Путина по вопросу обеспечения внешней и внутренней безопасности российского государства в современной системе международных отношений является Мюнхенская конференция, состоявшаяся 10 февраля 2007 г. в Германии. Официально она называлась «Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности», где президент В. Путин подвел своеобразный итог пониманию Россией современного состояния сложившейся в мире системы международной безопасности. Глава российского государства не обошел стороной и этнополитические конфликты на постсоветском пространстве. Хотя им и не было употреблено выражение «Южный Кавказ», но речь в том числе шла и о нем. Во-первых, В. Путин подчеркнул, что однополярный мир во главе с США не должен навязывать систему прав одного государства в любых сферах, будь это экономика, политика или гуманитарная область. Во-вторых, президент России отметил, что США не должны препятствовать сбалансированному развитию экономики развивающихся стран, преследуя собственные интересы в различных сферах и совершенно забывая о решении насущных проблем этих государств, в числе которых – локальные конфликты, терроризм, нераспространение ОМУ, энергетическая безопасность, рост радикализма и экстремизма. В-третьих, глава государства подверг особой критике европейскую организацию ОБСЕ, которая, по его мнению, превратилась в «вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной страны или группы стран в отношении других стран» [8]. При этом В. Путин заметил, что под данную задачу «скроили» и процедуры принятия решения в рамках ОБСЕ и использования неправительственных организаций, которые целенаправленно финансируются и в этом плане подконтрольны соответствующим государствам [8].

Мы разделяем точку зрения президента по подвергшимся им критике аспектам развития современной системы международной безопасности. Например, можно вспомнить роль неправительственных организаций во время подготовки «революции роз» в Грузии, которые оказывали весомую поддержку в свержении режима Э. Шеварднадзе и во многом действовали по рекомендациям своих правительств. Что касается ОБСЕ, то позиция В. Путина оправдывает себя, если посмотреть, например, на роль этой организации в нагорнокарабахском конфликте, деятельность которой является не совсем адекватной сложившимся в южнокавказских странах реалиям, да и ее усилия в урегулировании конфликта не дают желательных результатов. На наш взгляд, перечисленные выше со-

ставляющие российской внешней политики безопасности являются главными направлениями дипломатии в южнокавказских республиках, озвученными на Мюнхенской конференции.

Подведем итог. Несмотря на исследованные выше основные компоненты концепции национальной безопасности государства в отношении региона Южного Кавказа, можно констатировать, что эта концепция имеет некоторые недостатки, изъяны в плане осознания дальнейшей роли России в этнополитических конфликтах и стратегии построения внешней политики с учетом современных реалий политического развития Грузии, Армении и Азербайджана. В этой связи, как нам кажется, такая ситуация представляет одну из первых угроз еще формирующейся демократической политической системе России в сфере национальной безопасности.

Обратимся к содержанию реальных и потенциальных угроз, которые несут в себе этнополитические конфликты в регионе Южного Кавказа в контексте формирования национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе. Новая фаза развития конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии (хотя многие их корни можно обнаружить уже в период существования Российской Империи, а также Советского Союза) началась с конца 1980-х годов, что было обусловлено внутривнутриполитическими процессами, имевшими место в СССР. Начиная с этого времени вплоть до сегодняшнего дня линия политического поведения Москвы в отношении этих конфликтов неоднократно менялась, что было связано со сложностями в построении демократического государства в России, потерями былого влияния на международной арене и ориентацией на западные ценности с их дальнейшей экстраполяцией на российскую почву.

Политика национальной безопасности России на «южном направлении» была подорвана начавшимися в начале 1990-х годов вооруженными конфликтами между Арменией и Азербайджаном из-за территории Нагорного Карабаха, а также между Грузией с одной стороны и Абхазией и Южной Осетией – с другой в связи с требованием политической независимости. Исходя из такого расклада сил на Южном Кавказе, Россия, сама переживавшая в это время глубокий кризис в социально-экономической сфере, вынуждена была разрабатывать методы противодействия таким угрозам, как терроризм, неконтролируемая миграция беженцев, наркобизнес, и главное – старалась не допустить повторения сепаратистских тенденций на Северном Кавказе, что могло вовлечь многие кавказские народы в хаос войны. Неудачи в стабилизации этнополитических отношений в странах Южного Кавказа объясняются периодической сменой дипломатических курсов России в отношении ее бывших республик, неуверенностью и нехваткой ресурсов в проведении этих курсов. К тому же конфликты осложнялись аналогичной ситуацией и в самих республиках Южного Кавказа, которые больше предпочитали ждать какой-либо помощи, чем предпринимать компромиссные шаги в обеспечении мира, порядка и стабильности.

На наш взгляд, политика внутренней и внешней безопасности России в первой половине 1990-х годов была проработана не полностью, в ней присутствовали многие недостатки, в целом она не представляла из себя систему, нацеленную на решение конфликтов, имеющих этнополитический подтекст. В «кон-

цепции» национальной безопасности России отсутствовали методы и технологии урегулирования этих конфликтов, адекватные времени, и гарантии их деэскалации. Итогом такой политики стали различные виды помощи, включая военную, то одной, то другой воюющей стороне в зависимости от расстановки политических сил в республиках Южного Кавказа. С другой стороны, первая половина 1990-х годов была довольно сложным периодом для России как региональной державы в экономической, политической и культурно-духовной сферах, что в немалой степени оправдывало применение ее авторитета и военной силы для урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве.

Начиная со второй половины 1990-х годов вплоть до сегодняшнего дня Южный Кавказ становится территорией не только сотрудничества, но и соперничества региональных и внерегиональных игроков (США, Россия, Турция, Иран, отдельные европейские страны) с целью проникновения в регион и оказания там своего экономического и политического влияния. Вмешательство европейских стран, а также США в жизнь региона способствовало достижению весьма важных результатов в урегулировании этнополитических конфликтов. Во-первых, удалось прекратить вооруженную стадию противостояния конфликтантов и перевести ее в стадию переговоров и консультаций. Во-вторых, международным сообществом была признана территориальная целостность Грузии (Абхазия и Южная Осетия считаются ее неотъемлемой частью) и Азербайджана, в состав которого входит Нагорный Карабах. В-третьих, преодолены сколько-нибудь значимые разногласия по различным аспектам урегулирования этнополитических конфликтов у основных заинтересованных в них стран.

Как показывает развитие современных политических процессов на Южном Кавказе, соприкосновение национальных интересов государств, в основном США и России, происходит по нескольким направлениям. При этом следует отметить, что каждое из направлений составляет реальную или потенциальную угрозу национальным интересам и безопасности РФ, которая всегда считала себя единственным экономическим, военным и политическим лидером в регионе.

В этой связи хотелось бы заметить, что одним из последствий наличия на Южном Кавказе межнациональных конфликтов является террористическая угроза. Она затронула Россию (Чечню) и южнокавказские государства, прежде всего Грузию (Панкиси и приграничные, северные районы республики). Сохраняющаяся террористическая угроза накладывает дополнительные тревожные краски на ситуацию на Кавказе, способствует появлению серьезных вызовов безопасности региона, требует повышенного внимания к региону в рамках международного противодействия терроризму.

Решение антитеррористических задач во многом зависит не только от развития этнополитических конфликтов, но и от динамики противоречивых тенденций в политической и экономической ситуации в государствах Южного Кавказа, их внешней политики, а также от ряда привносимых извне факторов [9, с. 63]. В Российской Федерации реализация аналогичной цели во многом сопровождается опорой на законодательство. 26 февраля 2006 г. Государственной Думой был принят федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Данный шаг российских законодателей выступил важным звеном в построении системы национальной безопасности РФ. Этот закон устанавливает основные

принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики и борьбы с ним, минимизации и ликвидации последствий его проявления, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил РФ в борьбе с этим явлением [10]. В законе были закреплены такие понятия, как «терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт», «противодействие терроризму», «контртеррористическая операция». Например, терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [10]. Полагаем, что данное и другие определения в законе отвечают современным тенденциям динамики этого международного по масштабам явления.

На наш взгляд, подписание закона Президентом России дало возможность государству применять силу за пределами своей территории в целях борьбы с терроризмом и способствовало укреплению международной законодательной базы в плане выработки мер по стабилизации этнополитических отношений на Кавказе.

Антитеррористическое взаимодействие между Грузией, Арменией и Азербайджаном не всегда оказывается эффективным. Вместе с тем в их поведении просматриваются существенные особенности и различия. Пожалуй, в меньшей степени давление связанных с терроризмом проблем ощущает на себе Ереван, который активно сотрудничает как с Москвой в двустороннем плане, так и с региональными организациями. Руководство республики полагает, что непосредственной угрозы стране со стороны международного терроризма в настоящее время не существует, однако наличие у ее границ исламских государств, таких, как Турция и Иран, делает возможным проникновение религиозных экстремистов на территорию не только Армении, но и Нагорного Карабаха.

Азербайджан – преимущественно исламская страна, и поэтому здесь подчеркивают, что проявления терроризма возможны благодаря деятельности отдельных лиц, как правило состоящих в террористических организациях и придерживающихся радикального ислама. В начале 2000-х годов власти республики, например, запретили деятельность на своей территории организации «Международный гуманитарный призыв», которая под видом гуманитарной помощи активно пропагандировала идеи религиозной вражды, а также пресекли деятельность ваххабитской структуры «Джейшуллах» («Армия Аллаха»), которая поддерживалась религиозными экстремистами [9, с. 67]. Россию в данном случае не может не беспокоить действие в этой республике «Чеченского правозащитного центра» – структуры, связанной с чеченскими боевиками и международными террористами.

Нагорнокарабахский конфликт на современном этапе способствовал появлению в регионе нового термина «идеологический терроризм», смысл которого заключается в том, что каждая из сторон конфликта пытается навязать миру мнение о справедливости своей борьбы за Карабах, обвиняя друг друга в поддержке терроризма и сепаратизма [11].

В сфере терроризма гораздо сложнее обстоят дела с позицией Грузии. Эта страна на протяжении 1990-х годов являлась территорией притяжения террори-

стов с Северного Кавказа, где они получали необходимое вооружение, гуманитарную поддержку и проходили подготовку для организации террористических атак. Связующим звеном являлось Панкисское ущелье Грузии, которое способствовало распространению процессов, угрожающих стабильности, безопасности и территориальной целостности России. Панкисское ущелье являлось зоной экономической и военной «подпитки» террористов и территорией, которая очень слабо контролировалась вооруженными силами двух государств. Во многом это развязывало руки Э. Шеварднадзе, чтобы неоднократно разыгрывать «чеченскую карту» в своих интересах, а в случае неудачи – обвинить в происходящем непризнанные республики Южную Осетию и Абхазию.

После событий 11 сентября 2001 г. и особенно после прихода к власти в Грузии М. Саакашвили борьба с терроризмом стала приобретать определенную системность. Последняя выражается в принятии в 2007 г. закона «О борьбе с терроризмом», в экономической и военной помощи США в этой области (например, в реализации программы «Обучи и оснасти», в рамках которой идет подготовка батальонов быстрого реагирования), в конструктивных предложениях Тбилиси создать совместно с Россией антитеррористические центры. Однако вмешательство США и стран Европы в политические процессы в Грузии способствует приданию негативных импульсов двустороннему взаимодействию последней с Россией. Влияние России на урегулирование этнополитических конфликтов в Абхазии и Южной Осетии, пророссийская ориентация этих республик способствуют построению внешней политики Грузии на «антироссийских нотах». Итогом становления в Грузии либеральной демократии стало появление на Кавказе блоковой системы взаимоотношений при решении геополитических задач республик Южного Кавказа.

Второй серьезной угрозой национальной безопасности России в плоскости рассмотрения этнополитических конфликтов является военное присутствие вне-региональных игроков в странах Южного Кавказа. Военное присутствие в регионе – важная часть внешнеполитической стратегии США и России [12, с. 111]. По нашему мнению, силовой фактор не утратил своего значения, а лишь изменил направленность. Что же именно беспокоит Россию? Во-первых, расширение НАТО на Восток, что может способствовать вхождению стран Южного Кавказа, хотя, может быть, и не всех, в эту организацию. Во-вторых, построение военных баз в регионе, которые могут быть использованы, к примеру, для силового решения конфликтов в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе. В-третьих, присутствие в конфликтных регионах иностранных миротворцев взамен российских, что может быть неадекватно воспринято некоторыми этническими меньшинствами и тем самым осложнить межнациональные отношения в Грузии, Армении и Азербайджане. Таким образом, в регионе получили распространение опасности военного характера, на что Россия обязана адекватно отвечать в соответствии с вызовами времени. Однако параллельно растут и интересы США и стран Европы, которые придают сотрудничеству с государствами Южного Кавказа большое значение.

На современном этапе Грузия является государством, наиболее полно вовлеченным во внешнеполитические приоритеты США. После мирного «присоединения» Аджарии к Грузии ее вхождение в конституционное поле грузин-

ского законодательства способствовало перенесению внимания грузинских властей на вопросы борьбы с терроризмом, совершенствования военной сферы и укрепления пограничных сил на российско-грузинской границе в связи с нерешенными конфликтами в Абхазии и Южной Осетии. Следуя такой политике, США подталкивают Россию и другие страны, заинтересованные в стабильности Южного Кавказа, работать совместно над решением задач сбалансированного развития региона. На наш взгляд, для обеспечения системного сотрудничества между США и Россией необходимо преодолеть ряд препятствий. Во-первых, не только на словах, но и на деле надо закрепить понимание, что обе страны выступают за территориальную целостность и независимость республик Южного Кавказа. Во-вторых, следует отделить экономические и политические интересы США и России от реальной помощи в урегулировании этнополитических конфликтов. В-третьих, нужно избавиться от проявлений старого мышления периода «холодной войны». В-четвертых, обе стороны должны понимать, что безопасность региона будет лучше обеспечиваться целым рядом международных институтов (а не Североатлантическим альянсом, пытающимся заменить последние) с многосторонним участием России, которая имеет довольно полное представление об истории Кавказа, о культуре его народов и происходящих там политических процессах. Конечно же, некоторые перечисленные требования по поводу взаимоотношений США и России не могут получить своей реализации, так как, возможно, ущемляют их национальные интересы.

С нашей точки зрения, на это нельзя закрывать глаза, поскольку речь идет не столько о проникновении НАТО на Кавказ, сколько о переделе материка и о проникновении этой военно-политической организации в Центральную Азию. Кавказ же в этом аспекте служит транзитным коридором, потому что именно из Центральной Азии можно осуществлять контроль над Россией, Ираном, Китаем, Индией и т. д., то есть более сильными государствами, чем, скажем, страны Южного Кавказа.

Этнополитические конфликты в республиках Южного Кавказа имеют много общего с развитием экономики этих государств. Значительное влияние на формирование экономической политики Грузии, Армении и Азербайджана оказывает энергетический фактор. Большие запасы нефтяных и газовых месторождений в Каспийском море становятся объектом противоборства региональных (Россия, Турция, Иран) и «новых» политических игроков (США, Франция, Германия, Великобритания), что придает региону Южного Кавказа особую геополитическую значимость. В этой связи актуальность приобретает проблема обеспечения энергетической безопасности России.

Важность этого направления в экономике нашей страны закрепляет и ряд официальных документов. Например, в «Концепции внешней политики РФ», принятой в 2000 г., отмечено, что «Россия будет добиваться выработки такого статуса Каспийского моря, который позволил бы прибрежным государствам развернуть взаимовыгодное сотрудничество по эксплуатации ресурсов региона на справедливой основе, с учетом законных интересов друг друга» [13]. Особый интерес представляет «Морская доктрина РФ на период до 2020 года», в которой поставлены долгосрочные задачи в отношении разработки и использования ресурсов Каспия. Среди них: «определение выгодных для Российской

Федерации международного правового режима Каспийского моря, порядка использования рыбных запасов, месторождений нефти и газа... создание условий, в том числе и с привлечением возможностей субъектов Российской Федерации, для базирования и использования всех составляющих морского потенциала...» [14]. Утверждение этих документов и, главное, совокупность проблем, изложенных в них, свидетельствуют, что российское руководство стало более адекватно оценивать процессы, происходящие в южнокавказских республиках.

Сегодня страны Южного Кавказа представляют собой транзитный регион по экспорту нефти и газа на мировые рынки, в котором безусловным экономическим лидером стремится быть Россия, предлагая свои маршруты транспортировки сырьевых ресурсов. На наш взгляд, геополитическая ситуация, сложившаяся в этих странах, во многом препятствует урегулированию этнополитических конфликтов, которые иногда становятся разменной монетой в достижении энергетических преимуществ заинтересованных в регионе государств. На протяжении 1990-х годов конфликты в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии являлись предметом получения определенных преимуществ в обмен на доступ к углеводородным ресурсам региона. Например, страны Запада оказывали финансовую помощь в построении демократии, гражданского общества и правового государства республикам Южного Кавказа, что способствовало получению привилегий в энергетической составляющей Каспия. Подобное отношение к этим конфликтам однозначно являлось недальновидным, причины их появления не могли быть устранены. В итоге на современном этапе конфликты в перспективе могут угрожать всей «паутине» транспортных коридоров, образовавшихся в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

При решении насущных проблем политико-экономического развития Грузии, Армении и Азербайджана обратим внимание на появление блоковой системы взаимоотношений между государствами на Кавказе. Выстраивается следующая система неформальных взаимоотношений: Россия – Армения – Иран и США – Грузия – Азербайджан – Турция. Во многом она отталкивает государства друг от друга в поисках решения по нормализации этнополитической сферы в южнокавказских республиках. К тому же подобная система отношений способствует появлению новых очагов конфликтов в этнически неспокойных районах. На наш взгляд, к урегулированию конфликтов, особенно в Нагорном Карабахе, следует привлекать как можно шире страны, имеющие непосредственное отношение к происходящим в регионе политическим процессам, к тому же обладающие глубокими общими этнокультурными корнями со странами Южного Кавказа (Иран и Турцию), нежели страны, имеющие лишь опосредованное представление об этих конфликтах (Швецию, Финляндию, Италию). В целом на сегодняшний день обстановка в южнокавказских республиках довольно противоречива, и не только с точки зрения роли заинтересованных стран в разрешении конфликтов: во многом она объясняется трудностями построения либерально-демократического режима в южнокавказских государствах.

Таким образом, наличие этнополитических конфликтов в странах Южного Кавказа способствовало распространению таких угроз для общей системы национальной безопасности Российской Федерации, как международный терроризм, потенциальное расширение военного присутствия стран Европы и США

в регионе, опасность утраты энергетической составляющей безопасности страны. Конечно, существует и ряд других негативных тенденций, которые в себе содержат эти конфликты, например миграция беженцев, наркобизнес, экологические проблемы региона. Однако мы попытались заострить внимание на наиболее опасных вызовах современной системе внешней и внутренней безопасности российского государства, то есть на тех проблемах, которые являются непосредственной областью рассмотрения политической науки.

* * *

Проанализировав основные угрозы национальной безопасности РФ, полагаем насущным рассмотреть состояние и перспективы урегулирования этнополитических конфликтов в республиках Южного Кавказа на современном этапе.

Нагорнокарабахский конфликт является наиболее сложным с точки зрения урегулирования, участниками которого выступают два независимых государства. Автор данной статьи занимает сдержанную позицию по поводу перспектив быстрого урегулирования многолетнего противоборства. Основные достижения в этом конфликте следующие: прекращение огня 13 лет назад, достигнутое при решающей роли России, и переговорный процесс сам по себе. Серьезным фактором в продвижении нагорнокарабахского конфликта является также тот факт, что политические лидеры свободно контактируют между собой, ищут компромиссы, завязывают человеческие контакты, что было практически недостижимой целью в 1990-е годы. И. Алиев и Р. Кочерян, как показывает практика постоянных консультаций двух президентов, не видят альтернативу мирному урегулированию карабахского конфликта.

По нашему мнению, самым сложным в той реальности, которая сформировалась вокруг этого конфликта, является сама Нагорно-Карабахская Республика как государственное образование с высокими для постсоветского пространства стандартами демократии. В парламенте НКР представлено четыре партии: партия власти «Демократический Арцах», «Движение-88», «Свободная Родина» и старейшая армянская партия «Дашнакцутюн». В отличие от Абхазии и Южной Осетии НКР проводит многостороннюю внешнюю политику: шесть представительств НКР действуют за ее пределами. Несмотря на то что международное сообщество считает Нагорный Карабах частью территории Азербайджана, в самой республике большинство населения представляет армянская община. Поэтому одним из вариантов разрешения конфликта, но не единственным, является предоставление Нагорно-Карабахской Республике полной независимости.

Основные препятствия на пути разрешения конфликта состоят еще и в сопротивлении внерегиональных политических игроков многостороннему участию в нем России. Как показывает политическая практика урегулирования, и в Баку, и в Ереване именно от России ждут новых идей, новых методик продвижения карабахской проблемы. Высокопоставленные чиновники Армении и Азербайджана высказывают мысли о том, что главный ключ к разрешению конфликта находится в Москве. Поскольку в последнее время работа Минской группы ОБСЕ и международных организаций не приносит весомых результатов, российские власти для упрочения политики безопасности на Кавказе должны активизировать свою миротворческую деятельность, предлагая новые

идеи и методику разрешения межэтнического конфликта в столь противоречивом регионе СНГ.

Этнополитические конфликты вокруг Абхазии и Южной Осетии имеют несколько другую специфику. Обе непризнанные республики обладают низким экономическим уровнем развития, демократические ценности довольно тяжело приживаются на абхазской и осетинской национальной почве. На протяжении 1990-х годов и сегодня народы Абхазии и Южной Осетии практически были и остаются оторваны от общемирового политического и экономического процессов, не имеют связи с внешним миром. На наш взгляд, после президентских выборов 5 января 2008 г., в результате которых власть в Тбилиси сохранил М. Саакашвили, начнется новый этап политической борьбы за присоединение этих республик. М. Саакашвили не будет решать вопрос военным путем, потому что народы Абхазии и Южной Осетии могут объединиться перед лицом общей угрозы. К тому же глава государства вряд ли захочет повторения военных сценариев первой половины 1990-х годов. Президенту будет проще оказывать психологическую атаку на власти этих двух республик, используя свой легитимный авторитет, признанный международным сообществом. В этих республиках в полном объеме может повториться сценарий с Аджарией, когда Россия уступила последнюю грузинскому руководству, так как не захотела терять свой международный авторитет. Напору Саакашвили, прекрасно знающего, чего он хочет, противостоит полная невнятность российской стороны, у которой нет даже осознанной политики в отношении Грузии.

Сегодня российское правительство оказывает помощь в соблюдении прав и свобод южноосетинского и абхазского народов в виде гуманитарной помощи и миротворческой деятельности. Это обстоятельство является весомым фактором, которое способствует повышению авторитета России на международной арене, когда речь заходит об урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве. Грузинская политическая элита понимает этот факт и при каждом удобном случае играет на интересах США и России, обвиняя последнюю в поддержке сепаратизма в двух непризнанных республиках. Для грузинских властей выстраивание внешней и внутренней политики безопасности на «антироссийских нотах» является важным звеном в объединении грузинского общества с целью построения единого независимого государства. Какой из вариантов выберут конфликтанты, будь это федерация, конфедерация или полная независимость Абхазии и Южной Осетии на международной арене, единого мнения не существует. Вполне реализуем вариант объединения республик в унитарное государство, чему во многом может поспособствовать «северный сосед», который, несмотря на антироссийскую политику Грузии, добивается обеспечения мира и благополучия всех народов на Кавказе. В интересах российского общества и государства разрешить конфликты вблизи своих границ без утраты авторитета на международной арене. Сегодня Россия во многом отдает свои силы и средства для реализации такой сложной, но очень насущной задачи.

* * *

В результате проведенного анализа мы пришли к следующим результатам.

Проблема обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является сегодня центральной из стратегически значимых для развития страны. В ней фокусируется вся сложность процесса преобразований в России, которые требуют сосредоточения всех сил и средств на решении насущных задач внутренней и внешней политики. Южный Кавказ является едва ли не самым сложным регионом постсоветского пространства, в котором наибольшую опасность представляют неурегулированные этнополитические конфликты. С начала 90-х годов XX в. вплоть до сегодняшнего дня нагорнокарабахский, грузино-абхазский и южноосетинский конфликты находятся в «замороженном» состоянии, что объясняется как минимум двумя причинами: сложностью построения демократического режима в трех южнокавказских республиках и трудностью развития этнокультурных отношений как внутри этих государств, так и в регионе в целом.

Во внешней политике России недостаточное внимание уделено рассмотрению этнической составляющей развития стран Южного Кавказа, в которых этнополитические процессы отличаются нестабильностью, а иногда и непредсказуемостью. Современная концепция национальной безопасности нашего государства страдает большими изъянами по вопросу о роли межнациональных конфликтов в системе внешней и внутренней политики России, о подходах к их урегулированию, о задачах, которые необходимо решить для предотвращения реальных и потенциальных угроз в отношении стабильности политических систем стран региона. Как показал анализ, «новые» региональные игроки, такие, как США, Европейский Союз, не горят желанием активно заниматься умиротворением региона отчасти потому, что не знают, как это сделать, а отчасти потому, что по-разному смотрят на конечные цели урегулирования, проявляя интерес к нему лишь в той мере, в какой оно способно служить средством извлечения собственных экономических преимуществ. Такая политика этих стран во многом способствовала отторжению из зоны Южного Кавказа России, которая имеет более широкий арсенал методов и технологий урегулирования и разрешения конфликтов.

Среди основных угроз национальной безопасности России, исходящих от конфликтов на Южном Кавказе, являются международный терроризм, расширение военного присутствия НАТО в регионе, утрата значимых позиций в энергетической сфере и т. д. Все перечисленные выше опасности в той или иной степени затрагивают республики Северного Кавказа, то есть собственно российскую территорию. Северный Кавказ является этнически пестрым регионом, где благоприятную почву находили такие явления, как терроризм, политический экстремизм, сепаратизм и исламский фундаментализм. Именно в этом регионе таится главная угроза территориальной целостности России. Однако, как показало исследование, первые шаги ликвидации фактора «конфликтогенности» в различных сферах общества южнокавказских республик уже сделаны, а это позволяет надеяться на дальнейшее благополучие региона, да и всех народов Большого Кавказа.

Summary

T.Z. Mansurov. Menaces to National Security of the Russian Federation in South Caucasus.

The article presents an attempt to reveal the substance of main threats to national security of Russian Federation in the South Caucasus. Such menaces to home and foreign policy of Russia's security as terrorism, actual and possible military presence of outregional political players in South Caucasian republics, insurance of energetic security of the state are analyzed. It is underlined that nowadays there is a lack of attention to the problem of ensuring stability concerning ethnopolitical relations in countries of the South Caucasus. Special attention is devoted to the analysis of ethnopolitical conflicts in Nagorny Karabakh, Abkhazia and South Ossetia from the point of view of their influence on creating the Russian state national security system.

Key words: national security, menace of national security, region, regional security, economic security, ethnopolitical relations, ethnopolitical conflict, conflict settlement, conflict resolution, terrorism.

Литература

1. Общая теория национальной безопасности / Под общ. ред. А.А. Прохожева. – М.: Изд-во РАГС, 2005. – 344 с.
2. Политология: Энциклопедический словарь / Под общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянова. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та. – 1993. – 431 с.
3. *Сергунин А.А.* Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полит. исслед. – 2005. – № 6. – С. 127–135.
4. *Бэттлер А.* Национальные интересы, национальная и международная безопасность // Полит. исслед. – 2002. – № 4. – С. 147–159.
5. *Панарин С.* Безопасность и этническая миграция в Россию // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3, №4. – С. 5–27.
6. Концепция национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2000. – 10 янв. – Режим доступа: <http://www.geo-garant.ru/cgi-bin/content.pl?p=79&nid=25>, свободный.
7. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2007. – 26 апр. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml, свободный.
8. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности [Электронный ресурс]. – 2007. – 10 февр. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118097.shtml>, свободный.
9. *Ченурин А.* Тенденции политического развития стран Закавказья в свете антитеррористической операции // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – № 3. – С. 63–71.
10. Федеральный закон № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/terror/73_1.html#p22, свободный.
11. *Ибрагимов Н.* Армянский терроризм: серьезная угроза региону в условиях глобализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.anl.az/el/q/qarabag_2/q-38.htm, свободный.
12. *Гусаев М.* Россия и США на Южном Кавказе: перспективы сотрудничества или соперничества? // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – № 1. – С. 109–117.

-
13. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 2000. – 11 июля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_concept.html, свободный.
 14. Морская доктрина РФ на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nasledie.ru/voenpol/14_4/article.php?art=7, свободный.

Поступила в редакцию
22.01.08

Мансуров Тимур Зуфарович – аспирант кафедры политологии Казанского государственного университета.

E-mail: timur-man333@mail.ru